

Роль моря в истории Италии

На прошлой неделе, как каждый год в это время, в Италии проходила проверка на культурную зрелость. Она состояла в выборе тем сочинений для экзамена по итальянскому языку на аттестат зрелости. Однако испытанию подверглись не столько ученики, — почему, мы увидим далее, — сколько те, кто формулирует темы, в которых отражается состояние культурного развития страны на государственном уровне.

О том, почему сочинение — это сомнительный тест на зрелость, в эти дни уже неоднократно говорилось: испытуемый может проявить ее только в том, чтобы — если у него хватит ловкости, — умудриться раскрыть тему так, чтобы текст понравился экзаменаторам и ни у кого из них не вызвал раздражения или негодования. В этом смысле экзамен действительно дает представление об определенном уровне зрелости, отсеивая, с одной стороны, тех, кто не может связать два слова, и, с другой стороны, бунтарей без особой политической цели, то есть анархистов-индивидуалистов, которые превращают экзамен

в «показательный акт» (объективно совершенно бесполезный и в лучшем случае дарящий им несколько минут восторга от осознания своего героизма).

Выходит, что экзамен выдерживают только те, кто на спрос отвечает предложением, учитывающим пожелания потребителя.

* * *

Но оставим этот слишком радикальный подход к вопросу. Экзамен на зрелость существует, так что поставим себя на место тех, кому приходится формулировать темы сочинений для юных итальянцев, чтобы их сочинения давали представление о том, насколько хорошо они владеют языком и материалом. Давайте же перечитаем темы этого года и, разделив их на пять категорий, каждой теме дадим оценку от восьми до пяти: восьмерка — за удачные темы, семерка — за темы, которые могли бы быть удачными, если бы не звучали так неопределенно, шестерка — за «школярские» темы, требующие умения зазубривать главы из учебников, а не умения мыслить; пятерка — за идиотские темы. Далее следует категория «без оценки»: эти темы попали под разбор по ошибке, ведь они, судя по всему, предназначались для экзамена на звание доктора наук по языковому анализу в Оксфорде, или же должны были использоваться в качестве вопросов с подвохом для тестирования способностей машин-переводчиков, разрабатываемых Массачусетским технологическим институтом, определять нужное значение слова при наличии многозначности.

Такая классификация очень удобна: из всех формулировок зрелыми следовало бы объявить только тех, кто получил «восемь», а остальных «завалить».

Умные темы — те, которые не требуют привлечения знаний по отдельным дисциплинам или зазубренного

в течение года, а заставляют рассуждать на темы, выходящие за рамки школьных классов, и связывать между собой разные дисциплины. К этому типу относится третья тема, заданная в классических лицах: «Существует утверждение, что политика страны определяется ее географией. Обоснуйте правомерность этой позиции, или же опишите ее ограничения». Разумеется, эту тему так и хочется развить в циничном реакционном духе: «Италия морская держава». Но экзамен на зрелость именно в том и состоит, что ученик вместо этого может порассуждать о судьбах Польши, или связать эту тему с происходящим в Бенгалии, и тогда перед нами, вне всякого сомнения, человек думающий. Если он напишет о Швейцарии, значит, не любит лишний раз утруждаться. Если ухватится за блестящую английскую изоляцию¹, пойдет по проторенной школьной дорожке; но все-таки попытка будет засчитана.

Еще одна достойная тема — третья по счету в лицах с научным уклоном: «Большие промышленные преобразования двух последних столетий». Поскольку в учебниках много места отводится Гарибальди и всего несколько строк — Рубаттино², много — Наполеону и совсем чуть-чуть — механическим прялкам, то, если ученик сможет выдать что-то не совсем низкого качества, этот результат может быть признаком недурных мыслительных способностей и некоторой начитанности. Неплоха и вторая тема для технического лица о взаимосвязи города и деревни, которая в социологическом ключе поднимает вопросы, в другой теме сформулированные с исторической точки

¹ «*Splendid isolation*» — термин, употреблявшийся для обозначения внешней политики Великобритании второй половины XIX в.

² *Раффаэле Рубаттино* (1810–1881) — один из основателей итальянского торгового флота.

зрения. Неплоха, а точнее, еще лучше тема для художественных лицеев, предлагавшая порассуждать о социальных, психологических и культурных аспектах телевидения. Здесь есть опасность развить ее слишком банально, вроде: «Из-за телевидения люди не читают Гёте» или «Шекспир лучше Риты Павоне». Хотя это и может вызвать у членов проверяющей комиссии из провинции слезы восторга, тем не менее это риск. Мы не требуем совершенства, достаточно хотя бы умеренного здравого смысла — и от тех, кто формулирует задачу, и от тех, кто ее решает.

А теперь перейдем к неоднозначным темам. Безусловно, прекрасно звучит цитата из Ле Корбюзье: «Урбанистика выражает дух времени». На эту тему можно написать прекрасное сочинение, если написать его хорошо. Однако вряд ли в классическом лицее когда-либо говорили об этом архитекторе, а выражение «дух времени» весьма расплывчато. Возникает подозрение, что это «селективная» тема в самом жестоком смысле этого слова, и ее цель — доказать «зрелость» ограниченного числа учеников. Такова же и тема, предложенная в педагогических лицеех, взятая из цитаты Эйнштейна: «Целью школы всегда должно быть воспитание *гармоничной личности, а не специалиста*». В ней содержится посыл против разделения труда и фетишизации науки, но выражение «гармоничная личность» можно трактовать по-разному, что позволяет любой посредственности решить задачу в топорно-возрожденческом ключе, с прославлением Леонардо да Винчи как образца человека и прочей псевдогуманистической банальщиной.

«Школярскими» назовем темы, которые можно развить двумя способами. Либо, как восемнадцатилетний ученик, то есть повторяя то, чему учили в школе, либо, как маститый критик, смело ставя с ног на голову принятые трактовки. Но даже если экзаменуемый и поставит

все с ног на голову, то этим он в лучшем случае докажет (а это уже было бы неплохо), что он читал книги маститого критика.

Действительно, если попросить описать разницу между романтизмом как умонастроением и романтизмом как художественным движением, то результат будет блестящим только, если автор текста Рене Уэллек, Марио Прац или кто-то в этом роде; в противном случае мы получим только добротного Биньями. О «Важнейших темах в итальянской литературе после Верги» пусть пишет Сангинети, или же сочинение будет набором общих мест.

Сочинение на тему «Образы притесняемых и притеснителей в “Обрученных”» может стать или изящным доказательством того, что притеснитель — кардинал Федерико, а притесняемый — дон Родриго (поворот, достойный Арбазино), или же в нем к всеобщему удовольствию будет разъясняться, что дон Родриго плохой, а Лучия — хорошая. Такова и тема о роли Кавура в Рисорджименто. Придумавший ее министерский чиновник наверняка провел много бессонных ночей, ломая себе голову и перебирая луллиевы круги и таблицы Лейбница из «Ars combinatoria», в попытках найти вопрос, способный поразить самого Борхеса. А заслугой аргентинского писателя, вероятно, надо считать тему о гражданской поэзии от Фосколо до Кардуччи, барочная затейливость которой повергает в благоговейный трепет всякого, обладающего гражданским сознанием.

* * *

А теперь рассмотрим темы, не поддающиеся классификации, и, следовательно, бесполезные. Вовсе не будет преуменьшением назвать их «развращающими», поскольку сформулированы они настолько общо, что для их раскрытия так и хочется прибегнуть к ретроградным

банальностям. «Все, что сделано для развития культуры, работает против войны», — писал Фрейд Эйнштейну, вызвав у последнего сильнейшее удивление. Это настолько истинно, что, может быть, даже ложно. Прежде всего, что подразумевается под «развитием культуры»? Кодекс Наполеона подходит под это определение? Тогда почему же из-за него половину Европы охватила война? А ядерные исследования? А развитие политики в таком случае работает на войну? Какую войну? Оставим этот анализ наследникам Рассела. К той же самой категории можно отнести и «Романтизм как умонастроение и как историческое течение», поскольку для раскрытия этой темы требуется глубокое определение и «романтизма», и «умонастроения», и «исторического». Ученикам художественных лицеев для сочинения выпала фраза из Делакруа, в которой говорится, что у человека есть «врожденные чувства», которые не удовлетворяются «реальными предметами», и поэты облачают эти чувства в «форму». Зрелый ученик должен был бы отказаться писать на эту тему. В противном случае он не зрелый, и мне было бы интересно узнать, что подвигло экзаменаторов поставить за сочинение на эту тему удовлетворительную оценку.

* * *

Теперь перейдем к идиотским и безумным темам. Мне жаль, что одна из них связана с именем Бенедетто Кроче, но она действительно идиотская с нескольких точек зрения. В первую очередь потому, что является утверждением, к тому же таким, что надо быть по меньшей мере Ницше, чтобы его опровергнуть, то есть вынуждает с этим утверждением согласиться. Тема гласит, что научные открытия дают человечеству «опасные» знания, и чтобы их использовать, необходимо обладать «не только соответствующим, но даже более высоким уровнем развития

интеллекта, воображения, морали, религиозности, одним словом, человеческой души». Правильное ее изложение было бы довольно кратким и по сути дела походило бы на реплику из сократических диалогов: «Именно так». На такую тему могли бы написать только Симмий или Кебет. К тому же эта тема коварная, ведь она вынуждает высказаться либо за, либо против высшего развития человеческого интеллекта. Наконец, она расплывчата, потому что в таком виде, выданная из контекста, она принуждает к ошибочной трактовке определения «религиозности» или «души», стирает различия между Бенедетто Кроче, Габрио Ломбарди и Энрико Меди, склоняет к самому гнусному ханжеству, основанному на расплывчатом и некритическом использовании «благоразумных» банальностей. То есть из написавших сочинение на эту тему зрелыми будут считаться ничего не соображающие глупцы или лицемеры.

Еще одна идиотская тема предлагает поразмыслить над «муками существования, стремлением к идеалу, поиску духовности в искусстве Микеланджело». Подставьте вместо Микеланджело Леопарди, Рафаэля, Карло Кассолу, Обри Бёрдслея, де Сада или, наконец, инженера Брамбиллу, который по вечерам посещает курсы масляной живописи, и любое из сочинений, которые были представлены на экзамене, подойдет. Прежде всего, Микеланджело мучился, поскольку обладал чрезвычайно вспыльчивым характером, но не более вспыльчивым, чем многие; стремиться к идеалу — это пустые слова, к нему стремился и Вернер фон Браун. Поиск чистой духовности в принципе как раз подойдет к изображению бицепсов, срамных мест, мускулистых торсов и груди, в котором Микеланджело добился невиданных высот, но тогда что являют собой лебединые шеи у Пармиджанино? Или он был высокодуховным, потому что писал Господа Бога и Деву Марию? А кого же

тогда изображал Караваджо, Ванду Осирис?¹ Заметьте, что в формулировке темы нет ни одного вопроса о самом искусстве Микеланджело, о его технике, основных сюжетах, о его подходе к обработке мрамора, отношениях с заказчиками и так далее. Мы снова имеем дело с шантажом: ученик либо должен сказать, что в творчестве Микеланджело прослеживается высокая духовность (и добавить, что всё искусство в целом — выражение духовности), или его завалят. Единственное, чего нельзя от него требовать, так это определения «духовности» в искусстве, поскольку это уже совсем непростая работа.

Итоговый комментарий? Отточенные и ясные формулировки тем отличаются высокая духовность, творческое вдохновение, представление о культуре как венце самых высоких свершений человеческого духа. Они объединены общим порывом веры, надежды, гражданского чувства и призваны соединить в едином плавильном котле все самые животрепещущие вопросы культуры нашей родины, дабы подготовить и выпустить в жизнь граждан, понимающих значение основных ценностей, на которых зиждется всякое упорядоченное сосуществование душ в ожидании укрепления духовной веры и самоотверженного служения Благу, которое, как и Красота, есть сияние Истины.

1971

1 *Ванда Осирис* (Анна Мензио; 1905–1994) — итальянская актриса и певица. Выступала в комедиях, мюзиклах, музыкальных шоу. Снялась в девяти кинофильмах.